

—

Хо Шу пришел в дом семьи Цзи через некоторое время после ухода Таоюя.

Цзи Таоюй только что вернулся домой, только что набрал горсть отрубей, чтобы покормить домашних кур и уток, помыл руки и собирался заварить чай и поставить его под навесом во дворе, как услышал стук в дверь.

Он вытер руки и поспешно пошел открыть ворота, и увидел человека, ростом почти с ворота, несущего коробку с едой, которую он принес.

«Не понравилось?»

Таоюй не удержался и спросил.

Хо Шу опустил глаза и увидел маленького гера, прямо смотрящего на коробку с едой, и медленно сказал: «Если я скажу, что не понравилось, ты не позволишь мне войти?»

Цзи Таоюй только тогда понял, что стоит у ворот двора, и, услышав это, поспешно посторонился: «Ах, храбрый человек, пожалуйста, входите».

«Я принес тебе коробку от еды».

Цзи Таоюй поджал губы, закрыв ворота, и быстро последовал за Хо Шу.

Увидев, что он стоит спиной к нему, он спросил: «Ну и как вкус?»

Хо Шу, расставив ноги, сел под навесом. Он не ответил на вопрос Таоюя, а открыл крышку коробки с едой, показывая Цзи Таоюю.

Внутри аккуратно стояли три пустых блюда. Изначально в них были пирожные с османтусом, тушенная копченость с хрустящими побегами бамбука и суп из карася.

Вкус, конечно, был превосходным, и все это отправилось в живот Хо Шу.

На самом деле, еду, приготовленную матерью Чжао, тоже можно было назвать вкусной, но сравнивая их, Таоюй все же превзошел ее. Его мастерство можно было назвать изысканным.

Это было достигнуто не за один день, а благодаря постоянным тренировкам дома.

В семье Цзи не было проблем с едой, на столе всегда было много продуктов, поэтому у них, естественно, были условия для изучения кулинарии.

Конечно, неизвестно, не тренировался ли он готовить специально для своего ученого мужа.

Хо Шу поднял бровь, зачем он думает об этом без всякой причины.

«Все это обычные домашние блюда, не сравнить с вкусом ресторанных в городе», — Таоюй, увидев пустую коробку, обрадовался, вежливо сказал пару слов, а затем сам отнес коробку на кухню.

Хо Шу посмотрел на спину гера, когда тот легко вошел в дом с коробкой от еды в руках, и его брови снова расслабились.

Когда человек вернулся, он тут же отвел взгляд и, взяв чашку чая, поднес ее к губам.

«Твои родители не дома?»

«Мама дома, отец только что вышел записывать результаты осеннего урожая в этом году, а один немой батрак тоже пошел работать на поле».

Не успел он договорить, как Хуан Маньцзин, услышав шум снаружи, вышла из дома.

Она вежливо поприветствовала Хо Шу. Таоюй рано утром сказал ей, что Хо Шу собирается прийти по делу, и что он ищет Таоюя.

Хуан Маньцзин спросила пару раз, Таоюй не сказал, в чем дело, увидев, что он заверил ее, что это не что-то плохое, она тоже не стала допытываться.

Ребенок вырос, у него, конечно, есть свои дела, это не плохо, и умение самостоятельно справляться с ними – хорошо для будущей свадьбы.

Она вышла и сказала Хо Шу: «Доблестный господин Хо, вы можете сначала поговорить с Сяо Таоцзы, его отец скоро вернется».

«Хорошо».

Сказав это, она ушла заниматься своими делами, не подслушивая их разговор.

Цзи Таоюй, увидев, что мать ушла, сел на стул рядом с Хо Шу напротив и увидел, что тот неторопливо пьет чай.

Он глубоко вздохнул и сказал: «Храбрый человек...»

Не успел он договорить, как его прервали: «Можешь называть меня по имени».

«Хо...»

Хотя он лично не слышал, как Хо Шу называл свое имя, Таоюй все же узнал его фамилию и имя.

Он видел, что Хо Шу всегда был серьезным и не улыбочивым, и он не был ему ровесником. Называть его по имени казалось неуважительным, поэтому он изменил обращение на: «Брат Хо».

Хо Шу, услышав это, крепко сжал чашку. Он не смотрел на Таоюя, но взгляд его втайне смягчился.

«Что?»

Таоюй моргнул: «Ну, а что вы собираетесь делать дальше? Планируете уезжать?»

Хо Шу поставил чашку: «Ты хочешь, чтобы я ушел?»

«Я не это имел в виду».

Таоюй серьезно сказал: «Просто хотел спросить о ваших планах, брат Хо. Сегодня по дороге я услышал кое-что, что не стоило слышать, и сказано это было не очень хорошо».

Сегодня Таоюй приготовил еду и, воспользовавшись тем, что родители не заметили, вышел, чтобы отнести коробку Хо Шу. По дороге к дому Чжао он увидел, как госпожа Юань вышла из дома, и по пути обменялся парой слов с двумя односельчанами.

Вначале все было вежливо, но как только госпожа Юань ушла далеко, односельчане начали сплетничать.

«Вы знаете, не так давно к нам в деревню приехал высокий мужчина с севера, он сейчас живет у Юань Хуэйжу».

«Посмотрите, за эти три-пять дней у Юань Хуэйжу цвет лица стал румяным, и настроение ее

улучшилось».

В разговоре один муж рассмеялся: «Вы слишком бесстыдные, чтобы говорить такое».

«А тебе что до того, стыдно или нет, видишь, она только что прошла здесь, веселая, как на Новый год, разве вы не заметили?»

«В эти дни я вижу, как Юань Хуэйжу покупает мясо, режет кур, еда у них в доме прекрасная каждый день, даже на праздники раньше так не было. Когда в доме появляется мужчина, все меняется!»

Хотя они ничего не говорили прямо, Таоюй, видя их насмешливые улыбки, понял, что это сплетни.

Ему стало обидно. Они говорили так о матери и сыне, это было просто недопустимо.

Таоюй спрятал коробку с едой подальше и подошел, чтобы возразить: «Отец сказал, что этот человек с севера – родственник семьи Чжао. Вам неприлично так говорить!»

Несколько человек, увидев Таоюя, смущенно замолчали и, не решаясь противоречить Таоюю из-за его положения, с извиняющимся видом сказали: «Мы просто шутили, Тао гер, не принимай это всерьез».

«Я, конечно, не принимаю это всерьез, просто слышал, что тот человек с севера раньше был на войне, и у него горячий нрав. И он соратник брата Чансуя, который служит на границе. Если он услышит такие слова, рассердится и применит силу, смогут ли госпожи и мужья выдержать?»

Не все из них видели Хо Шу, но те, кто видел, говорили, что он высокий и свирепый. Услышав слова Таоюя, у них пробежал холодок по спине.

«Мы больше не будем говорить об этом».

Хо Шу, слушая Таоюя, рассказывающего о сплетнях, услышанных сегодня в деревне, изменился в лице.

Неважно, север или юг, сплетни всегда найдутся.

Люди на севере более прямолинейны, и их сплетни более откровенны и грубы. Его нрав, на самом деле, не заботился о словах посторонних.

Но когда дело касалось оскорбления старших и ушедших, его взгляд неизбежно становился холоднее: «Кто это говорил?»

Таоюй, видя ледяной тон Хо Шу, поспешно сказал: «Я сказал это не для того, чтобы вы шли сводить счеты. У людей языки длинные, даже если вы их проучите, возможно, это не заставит их замолчать, а только вызовет еще больше сплетен».

Хо Шу посмотрел на Таоюя: «Значит, ты хочешь, чтобы я уехал как можно скорее?»

«Нет».

Таоюй сказал: «Они говорят так только потому, что не знают о ваших отношениях с семьей Чжао и о том, почему вы живете под одной крышей, поэтому и говорят что попало. Если бы все было по правилам, и они знали правду, они бы больше не сплетничали».

«По правилам?»

«Да».

Таоюй продолжил: «Брат Хо может признать госпожу Юань своей родственницей, и попросить уважаемых старейшин деревни стать свидетелями. Тогда все будет по правилам. Все в деревне узнают, какие у вас отношения, и односельчане перестанут от вас отчуждаться. И вам, брат Хо, будет гораздо удобнее искать человека и заниматься делами».

«Конечно, это просто мое предложение, увидев, как госпожа Юань подвергается нападкам, и опасаясь за ее репутацию, я просто сказал об этом, потому что брат Хо – мой спаситель. Возможно, у брата Хо есть свои планы».

Хо Шу пристально посмотрел на Цзи Таоюя.

«Ты прав, я не учел».

Таоюй, видя, что человек его выслушал, невольно вздохнул с облегчением.

Он боялся, что такой человек, как Хо Шу, родившийся на севере, с суровым характером, закаленный в боях, посмеется над этими сплетнями и не обратит на них внимания.

Тогда он закончит свои дела, уедет, а вдове, госпоже Юань, останется куча сплетен.

В таких сплетнях к мужчинам всегда относятся гораздо снисходительнее, и в итоге расплачиваются женщины и геры.

«Вернувшись, я поговорю с тетей».

Таоюй кивнул.

Во дворе поднялся небольшой ветерок, листья камфорного дерева зашелестели, и много сухих листьев упало на крышу навеса.

Хо Шу, увидев, что время, возможно, уже позднее, достал из своего узла шпильку, которую принес от Чжао Чансуя, и передал ее Таоюю.

«Это то, что я должен передать. До того как Чансуя призвали, у него была возлюбленная, это она ему подарила».

«Хотя он никогда не говорил мне о ней ни слова, он всегда носил эту шпильку при себе. Перед смертью он попросил меня передать шпильку и деньги для родителей вместе».

«Я мог бы просто отдать это тете, но, судя по ее словам, она не знала о такой женщине. Поскольку это был человек, о котором Чансуй заботился раньше, независимо от того, изменила ли она ему, я должен сам передать это ей в руки, чтобы все было сделано правильно».

Таоюй осторожно взял шпильку, с любопытством взглянул на нее. Это была довольно простая серебряная шпилька, на конце которой было несколько цветков айвы.

Однако у двух цветков был отколот кусочек.

«Эта шпилька обычная, не очень дорогая, и это модель, модная несколько лет назад. Вероятно, много людей носят такие шпильки. Но по этой шпильке видно, что это девушка, обычно геры не носят такие украшения для волос».

Брови Хо Шу, услышав это, сдвинулись.

«И брат Чансуй ушел на службу уже почти десять лет назад. Судя по возрасту, та девушка уже должна была выйти замуж. Не стоит объявлять о поисках человека слишком громко».

«Я тоже так думаю, поэтому и чувствую себя неловко».

Таоюй спросил: «Эта шпилька сломалась потом?»

«Нет, она была такой, когда Чансуй получил ее».

Таоюй поднял брови: «Значит, это отличает ее от других таких же шпилек с айвой».

Он отложил шпильку, подумал и сказал: «Может быть, так: если брат Хо мне доверяет, можете отдать мне шпильку на хранение. Когда в деревне будет какое-нибудь собрание или пир, я надену эту шпильку. Другие, увидев ее, наверняка заметят, что я ношу эту шпильку, и будут пристально смотреть. Если владелица шпильки увидит, возможно, она подойдет ко мне лично спросить».

«И еще, если брат Хо признает госпожу Юань своей родственницей и расскажет уважаемым старейшинам деревни, что он соратник брата Чансуя и специально привез вещи, то дело распространится по деревне, и если потом ходить по разным пирам, эффект будет тот же».

Хо Шу опустил взгляд.

«Похоже, я нашел нужного человека».

«Тогда... я возьму шпильку?»

Хо Шу ответил утвердительно.

Как только они закончили говорить, снаружи раздался голос: «Сяо Таоцзы, посмотри, кто пришел».

Таоюй услышал смех и разговоры снаружи, поспешно встал.

Направляясь открыть дверь, он первым делом сказал: «Отец пришел вовремя, брат Хо Шу приехал, не знаю, что ему нужно от отца. Я налил ему чаю, чтобы он немного подождал».

Цзи Янцзун услышал это: «Может быть, из-за дела Чансуя».

Сказав это, он обратился к молодому человеку рядом: «Эрлан, скорее заходи во двор».

Хо Шу, скрестив руки за спиной, стоял неподалеку. Он увидел, как в ворота двора вместе с Цзи Янцзуном вошел молодой человек лет семнадцати-восемнадцати. Его зеленая одежда хорошо сидела на худощавом теле.

Волосы были собраны бамбуковой шпилькой, лицо было красивым и чистым, а на губах всегда играла легкая, едва заметная мягкая улыбка. С первого взгляда он производил впечатление изысканного и воспитанного ученого.

«Брат Эрлан».

Цзи Таоюй, увидел и позвал его, уголки глаз слегка изогнулись. Он выглядел как послушный

ребенок.

Хо Шу, услышав это обращение, с холодным выражением лица поднял бровь.

—

<http://bllate.org/book/14480/1281171>